

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Сравнительная характеристика политики китайского правительства
в отношении национальных меньшинств Синьцзян-уйгурского АО и
АО Внутренней Монголии

Руководитель	_____	<u>доцент, к.и.н</u>	<u>Е.В. Карпенко</u>
	подпись, дата	должность, ученая степень	инициалы, фамилия
Выпускник	_____		<u>Д.Е. Головинова</u>
	подпись, дата		инициалы, фамилия

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Эволюция позиции КПК по национальному вопросу во второй половине XX-ого века.....	8
1.1 Китайская этническая политика первого поколения (с 1920-х по 2011 г.).....	8
1.2 Китайская этническая политика второго поколения (2012 г. — настоящее время).....	20
2. Проявление национальной политики Китая в отношении этнических меньшинств на примере Синьцзян-уйгурского автономного района и Автономного района внутренняя Монголия.....	25
2.1 Культурно-исторические аспекты формирования Синьцзян-уйгурского автономного района.....	25
2.2 Культурно-исторические аспекты формирования Автономного района Внутренняя Монголия.....	30
2.3 Практика современной национальной политики Китая в отношении этнических меньшинств, проживающих на территории СУАО и АО Внутренней Монголии.....	35
Заключение.....	48
Список использованных источников.....	51

ВВЕДЕНИЕ

Китайская Народная Республика — многонациональное государство, на территории которого проживают представители официально признанных правительством 56 этносов. При этом каждый из этносов сильно отличается друг от друга по численности. Согласно результатам общенациональной переписи населения Китая в 2020 г., самым многочисленным этносом по-прежнему являются ханьцы, составляя 91, 11% от всего населения Китая [26]; остальные 8, 89% составляют национальные меньшинства, что в числовом представлении составляет 125 млн. человек, из которых 6 млн. — монгольские народы, и 11 млн. — уйгуры. Примечательно, что подобное соотношение ханьского и неханьского населения сохраняется с момента образования КНР с незначительными изменениями.

Политика в отношении этнических меньшинств в Китае основана на модели национальной координации, которая означает, что экономическое и социальное развитие этнических меньшинств определяется центральным правительством. Эта модель закреплена в конституции Китая и провозглашает главенство политики КПК над национальной политикой в отношении малочисленных народов. Таким образом, с помощью различных инструментов: законодательства, политических инициатив и административных мер — государство вмешивается в развитие этнических меньшинств. Содействие экономическому, культурному и политическому развитию является заявленной позицией Китая в отношении обращения с этническими меньшинствами с 1949 года. Хотя Китай улучшил экономическое, культурное и политическое развитие этнических меньшинств, однако сепаратистские настроения среди некоторых малочисленных народов по-прежнему представляют угрозу национальному развитию и единству КНР.

Этнические меньшинства приобретают все большее значение для социальной стабильности в Китае и его международного имиджа. КПК

тщательно управляет их участием в политической жизни и экономическим развитием, чтобы гарантировать, что они в достаточной степени представлены в национальной политической, экономической и социальной системе Китая. В то же время КПК предприняла масштабную кампанию по китаизации и интеграции групп меньшинств и их культуры в национальное русло посредством различных политических мер. Эти стратегии ассимиляции наиболее заметны в автономных районах Китая, таких как Синцзянь, Тибет и Внутренняя Монголия, которые отличаются наиболее высокой степенью сепаратистских настроений, в связи с чем привлекают внимание властей.

Рассматриваемая нами тема имеет несомненную значимость при изучении формирования современной национальной политики Китая в целом в автономных округах в частности. Изучение практических мер национальной политики в двух различных АО — Синцзянь-Уйгурском и Внутренней Монголии, открывает широкие возможности к пониманию национального вопроса в КНР, позволяет выделить универсальные подходы по отношению ко всем национальностям Китая. Кроме того, опыт изучения национальной политики КНР в отношении наиболее многочисленных национальных меньшинств может помочь в выстраивании отношений между Россией и Китаем на региональном уровне (отношения между регионами двух стран).

Анализируя политику Китая, мы можем расширить наше знание о состоянии прав человека, религиозной свободы и этнических вопросов в современном мире. Результаты исследования позволят более глубоко понять динамику взаимоотношений между центром и периферией в Китае и сделать выводы о воздействии политики на жизнь и устойчивость этнических меньшинств в обоих регионах.

Объект — политика китайского правительства в отношении национальных меньшинств.

Предмет — сравнительная характеристика политики китайского правительства в отношении национальных меньшинств в двух автономных

областях: Синьцзян-уйгурском автономном округе и Автономном округе Внутренней Монголии.

Цель исследования — проведение сравнительного анализа политики китайского правительства в отношении национальных меньшинств в автономных областях (АО) Синьцзян-уйгурского и Внутренней Монголии. Ключевые аспекты сравнения включают в себя меры по культурной ассимиляции и управлению религиозными практиками.

Задачи:

1. Изучить особенности формирования современной национальной политики Китая в отношении малочисленных народов.

2. Дать характеристику идеологическим основам современной политики КНР в отношении малочисленных народов страны

3. Проанализировать практические меры национальной политики Китая в отношении малочисленных народов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и автономном районе Внутренняя Монголия.

4. Выделить особенности национальной политики китайского правительства в автономном районе Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный округе.

Методология данной работы базируется на системном подходе и сравнительном методе. Системный анализ ориентирует исследование на раскрытие целостности политики КНР в отношении национальных меньшинств, определение обеспечивающих ее механизмов. Сравнительный анализ включает изучение исторических документов, архивов, исторической литературы и исследований, связанных с политикой Китая в отношении этнических меньшинств; правовой анализ законодательства, положений и правил, касающихся прав этнических меньшинств в Китае; анализ медиа и информационной среды о событиях и политике; сравнительный анализ политики Китая в отношении этнических меньшинств в СУАР и АРВМ. Кроме того, в работе были использованы принцип историзма и политико-культурный анализ.

Вопросы политики Китая в отношении национальных меньшинств привлекают внимание историков, политологов. Уже накоплен весьма богатый опыт исследования процессов изменения политики китайского правительства в национальном вопросе. В настоящее время можно выделить три направления исследований, касающихся проблем, затрагиваемых в данной работе: общие работы политики КПК по национальному вопросу, исследования национального вопроса в Синьцзян-уйгурском автономном округе, проблемы китайской политики в отношении Внутренней Монголии. К новейшим исследованиям различных аспектов этнической политики КНР можно отнести работы А.В. Ставрова, К.Л. Сыроежкина, И.Д. Алексеевой, О.Б. Бальчиндоржиевой, В.Г. Булдаковой, Н.И. Лапина и др. Известные работы по национальному вопросу в Китае включают в себя труды А.А.Москалева, В.А. Богословского, Т.В. Лазаревой. Среди ранних работ по национальному вопросу в Китае можно выделить работы М.Казанина, Г.Кара-Мурзы, А.Г.Яковлева, Т.Р.Рахимова, Н.А.Тешилова. О специфике китайской автономии можно узнать из трудов К.А.Егорова, Л.М.Гудошникова, А.Г.Яковлева. Из современных англоязычных трудов по национальной политике КНР можно выделить работы Джеймса Лэйболда, Колина Макераса, А.Бхалла, Д.Ло, Д. Керра. Среди современных авторов по этнической политике КНР в СУАР следует отметить Д.Р. Ерофеева, А.В. Бондаренко, Д.В. Дубровскую, Е.А. Афанасьеву и др. Исследования по различным аспектам политики китайского правительства в отношении Внутренней Монголии проводят Л.В., Курас, С.В. Мажинский, Актамов И.Г. и др.

Однако в связи с трансформацией китайской политики требуют системного анализа культурно-исторические аспекты реализации линии КПК на современном этапе, в том числе комплексный анализ политики в отношении национальных меньшинств в конкретных регионах КНР.

Эмпирическую базу составили: опубликованные официальные документы, такие как Конституция Китайской Народной Республики;

законы, регулирующие районную автономию в Китае — «Основные принципы осуществления местной национальной автономии» от 1952 г. и «Закон о национальной районной автономии» от 1984 г. и другие законы, регламентирующие религиозную, языковую и культурную сферы в автономных районах; закон «Об укреплении этнического единства» 2009 г. и др.

Для анализа также были взяты Белые книги Китая, посвященные национальной политике Китая, этническим, религиозным вопросам и положению Синьцзян-Уйгурского автономного района и АО Внутренней Монголии в частности. В эмпирическую базу также вошли отрывки речей официальных лиц и Резолюция ЦК КПК «Об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии» от 2021 г.,

1. Эволюция позиции КПК по национальному вопросу во второй половине XX-ого века

1.1 Китайская этническая политика первого поколения (с 1920-х по 2011 г.)

Китайская Народная Республика на сегодняшний день является крупнейшим по численности населения государством мира. По данным переписи населения 2020 года, численность населения составляет 1,402 млрд [27], причем большинство населения составляют этнические китайцы, обозначаемые как ханьцы. При этом в КНР насчитывается большое количество иных национальностей и этносов, тем самым являясь многонациональным государством. Этническое разнообразие сформировалось в результате ассимиляции различных национальностей на территории центрального Китая.

Выделение политики первого и второго поколения в контексте китайской политики используется в академических и политических кругах для обсуждения различных периодов в китайской политике и их особенностей. Эти термины часто используются для обозначения эволюции китайской политики на протяжении времени и выделения различий между разными этапами правления в стране, особенно в контексте управления страной и отношений с меньшинствами.

Политика первого поколения в Китае, начиная с основания Китайской Народной Республики в 1949 году и до начала XXI в., включает несколько ключевых этапов: этап установления власти и консолидации контроля (1949-1956 гг.); этап «большого скачка» и «культурно революции» (1958-1976 гг.); период политики реформ и открытости Дэн Сяопина (1978-начало 2000-х).

Сама идея о необходимости проведения национальной политики в отношении малочисленных народов возникла среди членов Коммунистической партии Китая еще задолго до образования КНР. Начиная

с периода противостояния двух главенствующих партий — КПК и Гоминьдана в 1920-х-1930-х гг., КПК использовала этническое многообразие Китая в своих лозунгов для поднятия имиджа. В качестве модели КПК использовала опыт Советского союза, изменив содержание в соответствии с китайскими реалиями.

Помимо влияния опыта СССР, большое влияние на формирование будущей национальной политики в отношении этнических меньшинств оказало противостояние КПК и Гоминьдана. Так КПК, в противовес идеям Гоминьдана, стремилась сделать Китай федеративным государством с правом народов на самоопределение и сецессией республик [18]. Примечательно то, что учреждение федеративного государства КПК воспринимало как переходную форму. Окончательным результатом должно было стать преодоление национального неравенства и достижение полного единства наций.

Позднее в отношении малочисленных народов было принято право на самоопределение, юридически закрепленное в Программе национальной политики [33], принятой на III съезде Коммунистической партии Китая в 1923 г. и в дальнейшем утвержденной на II съезде Всенародных Китайских социалистических представителей регионов. В отношении Монголии, Тибета и Синьцзяна было принято решение по предоставлению самоуправления при одновременном включении в будущую Китайскую Федеративную Республику [1].

В 1937 г., на VI пленуме ЦК КПК [1] Мао Цзэдуном была раскрыта идея национально-территориальной автономии, суть которой заключалась в наделении всех национальных меньшинств теми же правами, что и ханьцев, давая при этом самостоятельность в ведении своих дел в пределах автономного района, одновременно сохраняя единое государство с Китаем [1]. Данное предложение рассматривалось не только как способ решения национального вопроса, но и укрепления единства Китая для противостояния Японии в начавшейся японо-китайской войне.

Дальнейшее решение национального вопроса в Китае происходило под контролем КПК, образовавшей в 1949 г. Китайскую Народную Республику. С этого момента мы можем говорить о возникновении полноценной государственной политики в отношении этнических меньшинств, которая претерпела большие изменения с тех пор, как была образована КНР.

В период с 1949 г. по 1956 КПК отошла от копирования советской модели в национальном вопросе, формируя собственную. После провозглашения КНР в 1949 г. КПК изменила свою позицию в отношении будущего территориального устройства Китая, решив, что создание федерации в Китае является нецелесообразным по причине сложности управления окраинами [18]. Можно предположить, что такая смена политического курса была связана с окончанием японо-китайской войны и завершением гражданской войны в Китае.

Таким образом, Китайская Народная Республика провозглашалась унитарным государством с районами национальной автономии для этнических меньшинств, объясняя формы государственного устройства тем, что уникальные особенности и практика Китая предполагают его существование в качестве единого государства, где национально-территориальная автономия используется как способ решения вопросов этнических групп [2]. Первым таким образованием стала Внутренняя Монголия, в декабре 1949г. официально преобразованная из Автономного правительства в Народное правительство Автономного района в составе КНР.

Помимо Внутренней Монголии, на территории КНР оставались другие временные государственные образования, ставя перед КПК проблему целостности территории Китая. Выбор унитарной формы государственного устройства в таком случае позволил китайскому государству установить контроль над окраинами с постепенной ликвидацией временных государственных образований, тем самым достигая территориального единства КНР. Данная политика не встретила особого сопротивления среди

этнических меньшинств, выступающих за сецессию от Китая, в виду малочисленности данных народов относительно всего населения КНР.

В результате к 1952 г. были разработаны «Основные принципы осуществления районной национальной автономии» [13], описывающие принципы учреждения и осуществления автономии и права самоуправления. Опираясь на них, в 1955 г. был образован второй автономный район — Синьцзян-Уйгурский, а в 1958 г. — Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы.

Помимо вопроса о форме государственного устройства, КПК ставила перед собой задачу по преодолению «великоханьского шовинизма» (кит. 大汉族主义) т.е. национализма ханьцев в отношении неханьских народов [18]. Подобная проблема возникла в результате системы китаецентризма (кит. 中国中心主义), активно существовавшей еще с периода Древнего Китая. Согласно данному мировоззрению, только ханьская нация является цивилизованной и культурной, тогда как остальные представляют собой «варваров» [18]. Данная идея вылилась в дискриминацию малочисленных народов, входящих в состав Китая, одновременно провоцируя национализм среди нацменьшинств по отношению к ханьцам. Для борьбы с подобной дискриминацией в Конституции 1949 г. было закреплено наделение неханьских национальностей всеми основными гражданскими правами, учреждалось равенство всех наций в КНР [2].

Кроме наделения основными гражданскими правами, малочисленные народы обладали правом на развитие традиционной культуры, на использование национальных языков, свободу вероисповедания и т.д. [13]. Кроме того, КПК принимала активные меры для сокращения отставания неханьцев и ханьцев в социально-экономической и культурной сфере. Подобные мероприятия, с одной стороны позволили КНР снизить уровень «великоханьского шовинизма» в отношении национальных меньшинств, а с

другой позволили снизить межнациональные противоречия и стремление малочисленных народов к автономии [16].

Завершающим событием данного этапа можно назвать выступление Уланьфу, — председателя автономного района Внутренняя Монголия, — на VIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая в 1956 г. [18]. Его речь выражала общую задачу партии в отношении национального вопроса, заключающееся в развитии интеграции национальных меньшинств между собой и ханьцами и создании единого уровня экономического, социального и культурного развития для построения полностью единого социалистического государства.

Следующим этапом можно считать период с 1957 по 1978, охватывающий события «большого скачка» (кит. 大跃进) и «культурную революцию» (кит. 无产阶级文化大革命). Началом изменения курса КПК в отношении национального вопроса послужило выступление генерального секретаря Дэн Сяопина на расширенном пленуме ЦК КПК в сентябре 1957 г. с докладом «О движении за упорядочение стиля работы» [17]. Согласно его речи, курс национальной политики остается прежним, однако вместо борьбы с «великоханьским шовинизмом» на первый план выдвигается борьба против местного национализма, особенно среди кадровых работников, являвшихся представителями малочисленных народов [17].

Данный доклад во многом был реакцией на события весны того же года. После провозглашения Мао Цзэдуном кампании по усилению гласности и критики прошлой политики, многие представители малочисленных народов восприняли это как шанс для озвучивания своих требований, в число которых входили замена автономных районов на автономные республики, запрет на миграцию ханьцев в национальные районы, предоставление большей самостоятельности [18]. Кроме того, часть из них выступали против КПК в целом, критикуя проводимую ею политику. В результате КПК

обвинила участников выступлений в национализме, начав серию репрессий в автономных районах [18].

Хотя КПК и заявляла о сохранении прежней политики в отношении национального вопроса, однако на практике правящая партия реализовывала политику устранения национальных особенностей, фокусируясь на идеях слияния национальностей и полного подчинения автономных районов центральному правительству, ликвидируя самостоятельную деятельность [17]. Постепенно в «народных коммунах» вводятся запреты на исповедование традиционных религий, а также на преподавание и издание литературы на своих языках, в результате чего местные этнические группы, входящие в состав «коммун», постепенно теряют свою культурную идентичность.

В эпоху «культурной революции», положения малочисленных народов значительно ухудшилось. К ограничениям добавлялись массовые уничтожения буддийских монастырей и других культурных памятников архитектуры, уничтожались книги, скульптуры и прочие предметы, в которых отражались культурные особенности неханьских народов [19]. Фактически запрещалось использовать языки и письменность неханьских народов [36]. В этот период задачей КПК, помимо создания единства среди наций, было вытеснение религиозных идей разных народов с целью перехода от социалистического к полностью коммунистическому атеистическому обществу [19]. В период «культурной революции» КПК официально отрицало существование наций, а национальный вопрос стал трактоваться как классовый, решение которого КПК видело в насильственном слиянии национальностей.

Особенно сильно от репрессий пострадал Тибет. Начавшиеся в марте 1959 г. выступления тибетцев против масштабной китаизации их культуры переросли в антиханьское восстание, борющееся за независимость Тибета. В ходе подавления восстания, продлившегося до марта 1962 г., в Тибете были разрушены почти все храмы и монастыри, Далай-лама — духовный лидер

тибетского буддизма, и многие другие тибетцы эмигрировали в соседние страны [28]. Восстание закончилось установлением китайской власти в Лхасе — бывшей столице некогда независимого Тибетского государства. В 1965 г. Тибет был преобразован в Тибетский автономный район, однако под влиянием «культурной революции» тибетцы, занимавшие руководящие должности, подвергались преследованиям и репрессиям, китайское правительство заменяло их ханьцами.

Завершающим событием национальной политики Китая в период «большого скачка» и «культурной революции» стало принятие в 1975 г. новой Конституции [6]. В отличие от старой Конституции 1954 г., многие положения, касавшиеся прав и свобод неханьских народностей, были исключены. Отсутствовали пункты, касающиеся развития национальных языков и письменностей, сохранение культурных традиций и обычаев, отсутствовал запрет на дискриминацию по национальному признаку [6].

Очевидно, что в результате проводимой политики, малочисленные народы серьезно пострадали, помимо ограничений гражданских прав и массовых репрессий, в автономных районах органы самоуправления заменялись «революционными комитетами», представители которых были военные-ханьцы [18]. Фактически ликвидировалась районная национальная автономия. Все это способствовало увеличению степени напряженности в окраинах, вызывая сопротивление неханьских народностей.

Существенные изменения последовали лишь после смерти Мао Цзэдуна и смены правящей группы. После XI съезда партии в 1977 г. старые установки политики КПК по национальному вопросу подверглись критике. На данном съезде новый Председатель ЦК КПК Хуа Гофэн в своем докладе [2] высказался за необходимость улучшения межэтнических отношений между национальными меньшинствами. Идея слияния всех национальностей была признана неудачной, также как и решение акцентировать внимание на борьбе с местным национализмом вместо великоханьского. Так возвращалась

идеи многонациональности Китая и равенства всех наций, были восстановлены права и свободы национальных меньшинств [8].

Несмотря на вышеперечисленные меры, оставалось еще много нерешенных проблем, касающихся ликвидации последствий «культурной революции», в число которых входили разрушенная система самоуправления и незаконченная интеграция национальных окраин в состав Китая, а также социально-экономический разрыв между ханьцами и неханьцами [8]. Принимая во внимание все вышеперечисленные проблемы, китайское руководство обозначило поддержку национальных меньшинств одним из приоритетных направлений работы партии, в частности ставя перед собой задачу по разработке новой правовой системы, которая бы в полной мере регулировала автономные районы [16].

Основой для будущей правовой системы по национальному вопросу стала новая Конституция Китайской Народной Республики [5], принятая в декабре 1982 года, и действующая до сих пор. В нее вошли положения, закрепляющие курс КПК на устранение национальной проблемы. Во-первых, уже в ее преамбуле особо подчеркивается факт национального многообразия Китая: «Народы всех национальностей Китая вместе создали великолепную культуру...»; «народы всех национальностей Китая <...> создали Китайскую Народную Республику» и закрепляется тезис о едином многонациональном государстве [5].

Равноправие всех национальностей также закреплено в первой главе Конституции 1982 г. [5], которая включает в себя основные принципы государства. В ней также закреплено положение о гарантии охраны законных прав и интересов всех национальных меньшинств, и развитие равенства между всеми национальностями; запрещается дискриминация в отношении любой национальности, помощь государства районам национальных меньшинств; закрепляется идея осуществления национальной автономии в районах компактного проживания национальных меньшинств, которые при этом остаются неотъемлемой частью КНР [5].

В главе III новой Конституции [5] подробно описана конституционная регламентация государственной структуры Китая, в том числе учреждались Местные СНП и местные народные правительства и органы самоуправления в районах национальной автономии, руководящие посты в которых должны занимать исключительно граждане титульной национальности. Кроме того, новой Конституцией были восстановлены основные права национальных меньшинств в автономных районах, также включающие в себя право на издание положений об автономии и иных нормативных правовых актов.

Помимо закрепления прав и свобод в новой Конституции, правительством Китая был признан принцип сосуществования ханьцев и неханьцев, основанный на взаимопомощи и взаимопонимании. Были пересмотрены меры по борьбе с «великоханьским» и местным национализмом, признавалось, что язык, вера, культура и национальные традиции является национальным чувством и не может рассматриваться как признак национализма за исключением случаев, когда эти национальные особенности той или иной народности противоречат общим правам человека [17]. Таким образом, новая Конституция предоставляла реальную самостоятельность районам национальной автономии.

Позднее принцип равноправия национальностей был дополнительно закреплён в документе «Закон о национальной районной автономии КНР» [31] от 1984 г., получив более детальное правовое регулирование. К сожалению, закон действовал лишь де-юре, многие положения не реализовывались на практике и требовали корректировки, главной задачей в национальном вопросе ставилась борьба против национализма всех видов, тогда как проблема носила более комплексный характер и нуждалась в изменениях во всех сферах [17]. В результате, в январе 1987 г. по итогам встречи представителей комитетов всех национальностей был принят «Документ №13» [16], признающий в качестве основной проблемы не национализм как таковой, а экономическую и культурную отсталость районов.

Несмотря на вышеперечисленные меры, ситуация в национальных автономиях не улучшалась. Было решено, что органы самоуправления в национальных автономных районах не имеют достаточных ресурсов для преодоления социально-экономического и культурного разрыва национальных меньшинств самостоятельно и нуждаются в помощи центрального правительства [18]. Таким образом, центральное правительство начало проводить политику активного вмешательства в сферы деятельности органов самоуправления. С одной стороны, это действительно способствовало развитию социально-экономической сферы в автономных районах: были созданы новые предприятия, введена политика скидок в отношении некоторых банковских операций для предприятий, улучшена инфраструктура в т.д. [11] С другой стороны, органы самоуправления лишались возможности проводить собственную политику, вынужденные согласовывать проведение тех или иных действий с центральным аппаратом [8].

В 1999 г. правительство Китая выпустило Белую книгу, посвященную основным положениям и позиции Китая в отношении этнической политики [37]. Рассчитанная в том числе на международное общество, ее первая часть описывала исторические причины многонациональности Китая, ведя отсчет с династии Цин. Также отмечалось закрепление принципа равенства и единства между этническими группами не только в соответствующих законах, но и в Конституции КНР. Отмечалась гарантия защиты прав этнических меньшинств, их предоставление в правительстве и т.д.

После успешной публикации Белой книги, правительство Китая решило пересмотреть «Закон о национальной районной автономии КНР» от 1984 г. По итогам работы, в 2001 г. вышла современная редакция данного закона, став ключевым законодательным актом, регулирующим систему автономии и самоуправления для национальных меньшинств в Китае, расширив закон с 67 статей до 74 [31].

Основные положения Закона о национальной районной автономии стали включать в себя: определение национальных районов, в которых проживают этнические меньшинства и установление особого статуса для этих районов; обеспечение равных прав и свобод, включая право на сохранение и развитие своего языка, культуры и обычаев; определение механизмов автономии и самоуправления включая органы управления и принятие решений по важным вопросам и т.д [31].

Таким образом, учитывая культурные различия между большинством ханьцев и этническими меньшинствами, правительство КНР предпочло политику «смешения» (кит. 汉化), а не ассимиляции, в рамках своей политики в отношении этнических меньшинств [16]. Подход «смешения» отличается в том смысле, что он признает культурные различия между ханьцами и этническими меньшинствами, в то же время не принуждает последних подчиняться первым [19]. В определенной степени эта политика основана на конфуцианских принципах взаимного уважения и ответственности.

В результате всех преобразований, к началу XXI века уровень жизни малочисленных народов в Китае достигал положительных показателей во всех областях [14]. Автономные округа хотя и не достигали показателей большей части Китая, однако показывали позитивную динамику роста в экономической и социальной сферах. Тем не менее, в отдельных районах сохранялось недовольство проводимой политики, связанное с историческими и религиозными предпосылками [12].

Особенно сильно вопрос сецессии стоял в Тибете. Тибетцы выражали недовольство отношением китайского правительства к политическим и религиозным свободам в Тибете, в частности после событий 1959 г. В 2008 году в Лхасе, столице Тибетского автономного района в Китае, в преддверии 49-летия восстания тибетцев против китайского правления в 1959 году произошли серьезные массовые протесты и беспорядки, которые привели к

насилию и жертвам [12]. Протесты быстро переросли в неконтролируемые беспорядки и насилие в отношении военных и полицейских.

Для подавления беспорядков, китайское правительство приняло решение о введении войск в округ и полицию для подавления протестов. Было введено чрезвычайное положение, запрет на передвижение и коммуникации, а также жесткие меры против участников протестов [20].

Позднее, летом 2009 года, вспыхнули новые беспорядки уже в Синцзянь-Уйгурском АО. Протесты начались 5 июля 2009 года после того, как уйгурское население вышло на улицы, чтобы выразить свое недовольство в ответ на нападения на уйгуров в других частях Китая. Уйгуры обвиняли в дискриминации и насилии со стороны ханьского населения и правительства, а также в полицейском бездействии [21]. Протесты быстро переросли в насильственные столкновения между уйгурами и ханьским населением, а также силами безопасности.

Столкновения были подавлены по схожему с Тибетом сценарию. Кроме того, события 2008 и 2009 года вызвали обеспокоенность международного сообщества из-за насилия и жертв, а также из-за проблем межэтнических отношений в автономных округах, после чего западные страны стали активнее следить за действиями Китая в отношении этнических меньшинств.

После всех событий, для сохранения своего международного имиджа, Китай выпустил Белую книгу под названием «Этническая политика Китая и общее развитие всех этнических групп» [30], посвященное раскрытию основных тезисов национальной политики. В ней правительство еще раз подтвердило нацеленность на защиту равенства всех граждан перед законом, а также подчеркнуло свободу и самостоятельность этнических меньшинств. Была упомянута гарантия основных прав и свобод, таких как свобода вероисповедания и право на использование языка и иные права [30]. Китай выступил решительно против этнической дискриминации и угнетения в

любой форме и подчеркнул, что будет делать все возможное для улучшения жизни своих граждан.

Несмотря на усилия, принимаемые КПК для решения национального вопроса, политика «смешения» не смогла дать должных результатов и искоренить сепаратистские настроения в некоторых регионах. Большинство из этих регионов считались «проблемными» еще до образования КНР. Тем не менее, китайское правительство решило сделать ставку на советскую модель интеграции с некоторыми изменениями. Однако в начале XXI века, после событий в Тибете и Синцзянь-Уйгурском АО, стало ясно, что национальная политика требует кардинального пересмотра.

Таким образом, политика первого поколения в Китае характеризуется централизованным подходом к управлению страной, который призван обеспечить единство и стабильность после победы Коммунистической партии в Гражданской войне и установления Народной Республики Китай в 1949 году. В контексте отношений с этническими меньшинствами политика первого поколения характеризуется жестким и централизованным подходом к управлению страной и ее многонациональным составом. Эти аспекты отражали стремление правительства к созданию единой китайской идентичности и установлению строгого контроля над всеми регионами и этническими группами в стране.

1.2 Китайская этническая политика второго поколения (2012 г. — настоящее время)

Отличия между политикой первого и второго поколения связаны с изменением приоритетов и подходов к управлению страной и ее многонациональным составом. Переход к политике второго поколения обычно характеризуется более гибким и включающим подходом к управлению этническими меньшинствами, а также большим вниманием к их культурным и экономическим потребностям.

Политика второго поколения связана с началом проведения различных реформ с 2012 г. и приходом к власти Си Цзиньпина. В этом периоде наблюдаются следующие ключевые аспекты: более гибкий и открытый подход к управлению; усиление регионального развития; продвижение ассимиляционного похода; усиление контроля над региональными конфликтами и этническими меньшинствами.

После событий 2008 и 2009 года, КПК взялось за разработку новых подходов по проведению национальной политики. Так, в апреле 2012 г. в Пекине проводилась конференция на тему «Дискуссии по вопросам исследования наций» [19]. В основном в ней принимали участие эксперты, занимающиеся вопросом этнической интеграции. По результатам дискуссии ее участники пришли к выводу, что некоторые идеи, предлагаемые для ведения современной национальной политики, не соответствуют настоящему положению дел в национальной сфере [19].

В период с 2012 года по настоящее время происходит формирование общей китайской идентичности. На XVIII съезде КПК в 2012 году была представлена концепция «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» (кит. 中国梦) [17], вдохновленная идеями Сунь Ятсена. Эта концепция подчеркивает единство китайской нации и объединяет разнообразное этническое население Китая. Хотя формально «китайская мечта» была объявлена в 2012 году, последние десятилетия китайская этническая политика направлена на создание общей китайской идентичности, включая районную автономизацию как один из инструментов реализации этой концепции [15].

Решение о переходе в пользу ассимиляции заключается в анализе опыта Советского союза и опасений повторения такого же сценария в собственном государстве. После распада СССР в 1991 г., КПК активно следила за событиями в уже Российской Федерации, где в период

нестабильности некоторые республики на периферии требовали отделения и независимости.

Также китайские власти, столкнувшись с периодическими беспорядками в провинциях Синьцзян и Тибет, пришли к выводу, что контроль над ситуацией необходимо поддерживать любыми средствами, несмотря на то, что сами беспорядки и были частично вызваны жесткой политикой правительства [19].

В ноябре 2021 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая принял «Резолюцию истории» [14]. В ней описываются основные рекомендации по тому, как должны говорить, учить и писать об истории КПК. Резолюция была призвана закрепить позицию Си Цзиньпина по основным позициям современного Китая в отношении внутренней и внешней политики, по примерам подобных резолюций Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Резолюция также утвердила новый подход КПК по этническому вопросу в связи с событиями в некоторых автономных округах: Синьцзянь-Уйгурском, Тибете и Внутренней Монголии, которые китайское правительство охарактеризовало как «угрозу национального единства страны».

Новый подход в отношении национальных меньшинств хотя и был официально закреплён лишь в 2021 г., однако в действительности он действует уже с 2014 года, когда стали появляться первые «лагеря перевоспитания» в Синцзяне [21]. Данный подход в том числе направлен на увеличение контроля «над всеми религиями, включая ислам и тибетский буддизм» [32] и поддерживает новые ограничения на использование языков, отличных от стандартного китайского, во Внутренней Монголии и других регионах, где проживают национальные меньшинства.

Таким образом, после принятия данной резолюции, китайское правительство стало ещё активнее проводить языковую и образовательную политику, которая отдаёт приоритет китайскому языку по сравнению с этническими языками в качестве средства обучения в школах и других

общественных местах. Например, Министерство образования в 2021 году инициировало план по внедрению китайского языка в качестве средства обучения в дошкольных учреждениях по всей стране [22]. Во Внутренней Монголии была начата новая языковая политика, направленная на то, чтобы сделать китайский единственным языком, который будет использоваться для преподавания литературы, истории и этики [22].

Новая политика также направлена против религии и других традиционных практик этнических меньшинств. Местные органы власти под руководством Государственного совета усилили ограничения на религиозное образование, религиозные учреждения и празднования. Например, в 2019 году местным властям провинции Сычуань был передан контроль над учебным центром Ларунг Гар, одним из крупнейших в мире буддийских учебных заведений, и в конечном итоге они снесли почти половину центра [27].

Таким образом, национальная политика КНР в отношении малочисленных народов можно разделить на несколько этапов, каждый из которых имеет определенные особенности, обусловленные рядом исторических событий. На протяжении всей второй половины XX века национальная политика претерпевала большие изменения, но на протяжении всего этого периода КПК не переставало позиционировать себя как гаранта прав национальных меньшинств. Благодаря этому родилась система административного деления территорий на автономные округа, с предоставлением соответствующих привилегий проживающих там коренных народов.

Существенные изменения в национальной политике произошли в эпоху «большого скачка» и «культурной революции». В решении национального вопроса КПК сменила курс с сохранения самобытности народов и организации самоуправления в автономных районах на слияния национальностей. Со сменой руководства результаты «большого скачка» и «культурной революции» были пересмотрены, КПК признало проводимую в

эти годы национальную политику в отношении малочисленных народов малоэффективной. Таким образом, было принято решение вернуться к политике, проводимой в 1950-х гг. Решение национального вопроса признавалось важной составляющей для развития КНР, достигнуть которого можно путем постепенных политических, социальных, экономических и культурных изменений.

Тем не менее, в 1990-х гг. можно наблюдать рост сепаратистских настроений в национальных окраинах. Меры правительства КНР, принятые в период «открытости», с одной стороны позволили существенно улучшить социально-экономическое развитие национальных окраин, с другой поспособствовали укреплению национальной идентичности некоторых народов. Распад СССР в 1991 г. и образование новых независимых государств усилили движение за сецессию в ряде регионов, вынуждая КНР искать новые способы для усиления целостности Китая и противодействия сепаратизму окраин.

Этнические меньшинства приобретают все большее значение для социальной стабильности в Китае и его международного имиджа. КПК тщательно управляет их участием в политической жизни и экономическим развитием, чтобы гарантировать, что они в достаточной степени представлены и кооптированы в национальной политической, экономической и социальной системе Китая. В то же время КПК предприняла масштабную кампанию по китаизации и интеграции групп меньшинств и их культуры в национальное русло посредством различных политических мер и бескомпромиссных стратегий. Эти стратегии ассимиляции наиболее заметны в автономных районах этнических меньшинств Китая, таких как Синьцзян и Тибет, где лагеря перевоспитания направлены на китаизацию культур этнических меньшинств.

2. Проявление национальной политики Китая в отношении этнических меньшинств на примере Синьцзян-уйгурского автономного района и Автономного района внутренняя Монголия

2.1 Культурно-исторические аспекты формирования Синьцзян-уйгурского автономного района

В контексте рассматриваемой нами темы важно уделить внимание общим характеристикам взятых автономных единиц.

Синьцзян-Уйгурский автономный район (сокр. СУАР), который находится на северо-западе Китая, является самым крупным по площади территориально-административным районом в КНР. Его площадь составляет 1.7 млн. км², что составляет шестую часть всей территории Китая. Административный центр и крупнейший город региона — Урумчи, расположен в стратегически важном месте и является ключевым торгово-транспортным узлом региона. Синьцзян имеет сухопутную границу с Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией. Внутри Китая Синьцзян граничит с провинциями Ганьсу, Цинхай и Тибетским автономным районом. Географически Синьцзян-Уйгурский автономный район занимает центральное положение на евразийском континенте.

Согласно данным о переписи населения за 2020-ый год, всего в районе проживает 25,85 млн. человек, из которых 57% — представители национальных меньшинств [27]. Наиболее многочисленными представителями нацменьшинств являются уйгуры, казахи, хуэй, киргизы, монголы и т.д. При этом соотношение ханьцев и уйгуров почти одинаково — 42% и 44% соответственно.

Официально Китай придерживается версии о том, что территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района стали частью Китая еще при династии Хань (206 г. до н. э. — 24 г. н. э.). Согласно Белой Книге

«История и развитие Синьцзяна» от 2003 года [38], уже тогда были зафиксированы случаи колонизации пустующих земель в Синьцзяне ханьцами, тем самым подчеркивая историческую значимость региона. Впоследствии этносы, проживающие на данной территории, были подвержены процессу ассимиляции сразу нескольких этногрупп.

Примечательно, что в официальных источниках китайские власти придерживаются теории о том, что уйгуры как национальность является производной от одной из древних национальностей Китая «телэ»[38], еще больше углубляя связь между ханьцами и уйгурами.

Следующие династии поддерживали различные уровни контактов с регионами Синьцзяна. Тем не менее, центральная власть сохраняла за собой управление над занятыми территориями, и считали Западные регионы частью Китая. Эти династии расширили свою власть и интегрировали их в имперскую систему управления.

В период средних веков Синьцзян был под властью тюркских каганатов, таких как Уйгурский каганат и Караханидский каганат. Однако в середине IX в. уйгурское государство распалось. Часть уйгуров переселилась в Среднюю Азию, создав там государственное образование под названием Восточный Туркестан, которое в 1760 г. попало под власть маньчжурских правителей Китая. Таким образом, в период династий Мин и Цин Синьцзян был включен в состав Китайской империи, и центральные власти установили контроль над регионом. Это время характеризовалось укреплением китайского влияния и управления в Синьцзяне.

Социально-экономическое положение национальных меньшинств в Синьцзяне оставалось сложным вплоть до образования Китайской Народной Республики. В 1955 году был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район в рамках национальной автономии КНР. Это было сделано с целью удовлетворения потребностей и интересов уйгуров и других этнических групп, проживающих в регионе. Образование СУАР предоставило уйгурам и другим этническим группам автономию и самоуправление в рамках

Китайской Народной Республики. Автономный район получил право на сохранение своего языка, культуры, обычаев и религии. СУАР продолжал развиваться в соответствии с политикой национального развития и социально-экономическими изменениями в Китае. Регион стал центром торговли, культуры и образования, привлекая инвестиции и туристов.

Помимо исторического обзора культурно-политического развития Синьцзяна, Белая книга 2003 г. отдельно останавливается на описании многовекового центрального управления Китая над районами Синьцзяна, подчеркивая его легитимный характер, автономия, которой пользуются этнические меньшинства в Синьцзяне, и работа, проделанная центральным правительством для продвижения региональной автономии и помощи в развитии региона.

Также поднимается «Восточно-Туркестанский вопрос», где обсуждается происхождение термина и деятельность движения Восточного Туркестана. Официально Китай не только отвергает идею существования данного образования, но и подчеркивает экстремистский характер подобных убеждений.

Географическое расположение на границе с одновременно несколькими регионами не могло пройти без следа и поспособствовало проникновению различных культур и религий, из-за чего район Синьцзяна с древних времен считался полиэтничным.

Соседство Синьцзяна с другими регионами также определил его роль в качестве ключевой точки на Шелковом пути, древнем торговом маршруте, который соединял Китай с Западной и Центральной Азией. Частично ислам пришел в Синьцзян-Уйгурский автономный район в Китае именно через торговые и культурные связи со Средней Азией и Северной Индией [20]. Процесс проникновения ислама в регион начался в VII веке и был связан с торговыми маршрутами Шелкового пути, которые проходили через Синьцзян. Позднее влияние ислама усилилось благодаря миссионерской деятельности — торговцы, путешественники, миссионеры и ученые из

мусульманских стран, таких как Персия, Аравия и Центральная Азия, приносили с собой исламскую религию и культуру в Синьцзян. Постепенно формировалось мусульманское сообщество из различных этнических групп, включая уйгуров, казахов, киргизов и другие. Мусульмане основывали мечети, мадрасы и культурные центры, где обучали религиозным принципам и традициям ислама.

Эти факторы в совокупности способствовали укоренению и распространению ислама в регионе, где он стал неотъемлемой частью культуры и общественной жизни.

Тем не менее, еще до момента образования СУАР, центральные власти Китая неоднократно прибегали к попыткам искоренения влияния ислама в районе, вызывая тем самым антиханьские восстания внутри региона, однако до конца XX-ого века данные движения редко доходили до открытого противостояния и насильственных действий, несмотря на недовольства некоторыми политическими решениями КПК [20].

В целях подавления сепаратистских настроений среди уйгуров, КПК в рамках реализации политики по образованию автономных районов принимало серию мер, направленных на ускорение ассимиляции представителей малочисленных народов, исповедующих ислам, с ханьцами. Первым проявлением данного курса стало введение новой уйгурской и казахской письменности в 1960 г. [18], где в основе изучения письменности должен был быть латинский алфавит. Это нововведение было представлено как простой способ написания и запоминания, а также должно было способствовать более легкому изучению китайского языка, в дальнейшем способствуя культурной ассимиляции молодого поколения представителей малочисленных народов.

Однако данные культурные преобразования шли параллельно с комплексом мер, направленных на социальное и экономическое развитие, которые население района воспринимало в позитивном ключе. Таким образом, обстановка нормализовалась настолько, что позволила провести

реорганизацию управления в соответствии с принятым в 1984 г. «Законом КНР о районно-национальной автономии» [30], не вызвав значительных возмущений, продолжив развиваться в соответствии с курсом, принятым центральным правительством [18].

Несмотря на события «культурной революции», которые сопровождалась рядом ограничений для представителей национальных меньшинств в СУАР, проблема уйгурского сепаратизма не выражалась в острой форме. Тем не менее, сохранение противоречий между уйгурами и ханьцами, и сохранение тезиса «единого Китая», где ведущая роль принадлежит ханьскому населению, а также влияние внешних факторов и распространение исламского радикализма в дальнейшем сыграли свою роль в создании проблемной ситуации в СУАР [21].

В итоге с начала 90-х гг. XX в. можно наблюдать рост протестных настроений среди мусульманского населения СУАР, что позднее вылилось в серию антиобщественных действий и терактов [20].

Исследователи объясняют это влиянием распада СССР, после которого бывшие республики получили независимость [20]. Образование новых государств способствовало развитию идеям сецессии Синьцзяна от Китая и возникновению таких организаций как «Всемирный уйгурский конгресс» в 1992 г., и «Исламское движение Восточного Туркестана». И если «Всемирный уйгурский конгресс» преследует мирные цели по достижению полной автономии СУАР, оставаясь при этом частью Китая, то члены последней организации выступают за полную независимость и образование Восточного Туркестана. Для достижения своих целей, «Исламское движение Восточного Туркестана» стало контактировать с зарубежными исламистскими группировками, что в последствие привело к серии терактов и массовых беспорядков и последующей жесткой реакции со стороны китайского правительства в отношении не только уйгуров, но и всех граждан, исповедующих ислам.

2.2 Культурно-исторические аспекты формирования Автономного района Внутренняя Монголия

Автономный район Внутренняя Монголия (сокр. АРВМ) расположен на севере Китая и имеет обширную территорию в 1.1 млн. км². На севере граничит с такими государствами как Монголия и Россия. Внутри Китая Внутренняя Монголия граничит китайскими провинциями Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин, Хэбэй, Шаньси, Шэньси, Ганьсу а также с Нинся-Хуэйским автономным районом. Ее административный центр — город Хух-Хото.

Согласно данным о переписи населения за 2020-ый год [27], население региона составляет 24,7 млн. человек, в состав которых помимо ханьцев входят еще 48 других национальностей, таких как монголы, маньчжуры, хуэй, дауры, эвенки, корейцы, русские и другие. 25,85 млн. человек, из которых 57% — представители национальных меньшинств. В процентном соотношении самой многочисленной этнической группой являются ханьцы, составляя 79,54% всего населения Внутренней Монголии. Второй по многочисленности народностью являются монголы, составляя 17,11%.

Территория Внутренней Монголии была исторически заселена монгольскими племенами и народами. В разные исторические периоды эти племена объединялись в различные конфедерации и государства, такие как Великое монгольское государство под предводительством Чингисхана. Однако после его смерти, Монголия постепенно теряла свою целостность, в конечном итоге раздробившись на несколько отдельных княжеств.

С XII в. разные части Монголии (преимущественно территории Южной Монголии и часть Северной Монголии, в последствие ставшей именоваться Внутренней Монголией) постепенно завоевывались и включались в сферу интересов различных правящих династий Китая, включая Маньчжурскую империю Цин. Влияние этих империй оказало значительную роль в развитии культуры, политики и общественной жизни региона.

Находясь под управлением Китая, территория Монголии продолжала быть поделенной на административные единицы, разделяющие Внутреннюю и Внешнюю Монголию, способствуя дальнейшей раздробленности монгольского общества. Смерть последнего монгольского хана Золотой Орды Лигдена в 1634 г. и возвышение династии Цин (XVII-XX вв.) сделали Южную Монголию более уязвимой для экспансии [7]. При династии Цин центральное управление воспользовалось раздробленностью Монголии, способствуя активному включению Внутренней Монголии в государственную структуру Китая через маньчжурских чиновников на местах, при этом Внешняя Монголия оставалась на периферии и не была подтверждена такому сильному влиянию со стороны Китая, где часть князей выступали за переход под управление Россией. Данное разделение сохранялось и после включения Внешней Монголии в состав империи Цин в 1691 г. во многом из-за того, что центральное управление приняло решение сохранить границу между Внутренней и Внешней Монголией.

Таким образом, несмотря на формальную потерю самостоятельности, тогда как Внутренняя Монголия вошла в состав Китая в качестве особой административной единицы, получив статус провинции, в то время как Внешняя Монголия находилась в статусе вассального подчинения, что объяснялось ее отдаленностью от политического центра [7].

В этот же период резко выросла роль буддизма на территории Монголии. Сам буддизм распространился в Монголии еще в конце XVI в., получив широкое распространение при правлении династии Цин, использующих религиозных аспектов для ассимиляции монголов с ханьцами.

Несмотря на распространенность тибетского буддизма, монголы сохранили некоторые аспекты шаманизма, интегрировав их под буддистские нормы [28]. Такая форма буддизма сохранилась и до наших дней, смешавшись с некоторыми элементами конфуцианства и даосизма.

На протяжении XIX в. Внутренняя Монголия все больше интегрировалась в политическую и экономическую структуру Китая, в то

время как Внешняя Монголия имела широкую политическую свободу. С течением времени разница в развитии между двумя частями Монголии только усиливалась. Монголы, проживающие на территории Внутренней Монголии, все больше ассимилировались с ханьцами, которые массово мигрировали в регион из других провинций, тогда как процент ханьского населения во Внешней Монголии оставался незначительным в виду ее удаленности. К концу XIX в. соотношение ханьского населения к монголам сравнялось, при этом переселенные ханьцы занимали более плодотворные земли, изгоняя оттуда поселения монголов, что не могло не вызвать недовольство у последних, спровоцировав межэтническую напряженность и рост движений за права монголов [19].

Тем временем политическая независимость Внешней Монголии продолжала укрепляться, во многом по причине ее сближения с Российской империей. К этому моменту Цинская власть, ослабленная опиумными войнами и западной колонизацией, уже не могла удерживать периферийные зоны. После победы Синьхайской революции в 1911 г., власти Китая окончательно потеряли контроль над Внешней Монголией, ставшей независимой монархией [9]. Данные события повлияли и на Внутреннюю Монголию, которая была поделена на сферы влияния между Японией и Российской империей.

Тем не менее, в виду того, что Внутренняя Монголия уже была сильно интегрирована в политико-административное управление Китая и имела большое количество ханьского населения, национальные движения за независимость не имели здесь такого же влияния, как во Внешней Монголии, что позволило сохранить территорию Внутренней Монголии в составе Китая [9].

Новый виток роста национализма связан с японской оккупацией. Восточная часть Внутренней Монголии была оккупирована японцами с 1933 г. как часть государственного образования Маньчжоу-Го, продолжаясь вплоть до 1945 г. Японские правящие круги планировали учредить единое

«Монгольское государство» под своим контролем, включая объединение с Монгольской Народной Республикой в рамках будущей колониальной империи. Для этого японская оккупация активно использовала идеи панмонголизма для провоцирования сепаратистских движений во Внутренней Монголии. Идея панмонголизма заключалась в возрождении монгольской государственности через объединение всех монгольских народов на основе единства истории, культуры и религии [8].

После поражения Японии, 1 мая 1947 года китайским коммунистическим режимом было учреждено народное правительство автономного района Внутренней Монголии, целью которого было объединение с Монгольской Народной Республикой. Однако данное образование быстро прекратило свое существование, в том же году в целях сохранения Внутренней Монголии в составе Китая территория была фактически оккупирована коммунистическими силами Китая.

После образования КПК в 1949 г. было принято решение о превращении Внутренней Монголии в особую административную единицу в соответствии с новой политикой Китая в отношении сохранения территориального единства страны. Таким образом, АРВМ стал первым специальным административным образованием. На ее основе в дальнейшем были разработаны «Основные принципы осуществления районной национальной автономии» [31], по которым в дальнейшем были образованы и другие автономные районы. Внутренняя Монголия продолжала развиваться в соответствии с политикой автономии и развития этнических меньшинств в Китае [37]. Регион стал центром монгольской культуры, языка и традиций, сохраняя свою уникальную идентичность.

Также, как и в Синцзянь-Уйгурском автономном районе, КПК активно содействовала политике переселения ханьцев во Внутреннюю Монголию, что в конечном итоге привело к процентному сокращению численности монголов и насильственной ассимиляции, что вызвало критику

национальной политики среди монгольского населения и росту числа сторонников панмонголизма.

Пиком противостояния между КПК и Народно-революционной партией Внутренней Монголии, которая контролировала административное управление районом в соответствии с «Основными принципами осуществления районной национальной автономии» [30], стали события «культурной революции». Ее основной целью стала чистка управленческого аппарата в автономных районах в пользу чиновников ханьского происхождения для подавления националистических идей. В конечном итоге политическая борьба между центральным правительством Китая и управлением Внутренней Монголии привела к насильственным столкновениям и введению военного положения в районе [36].

В результате «чистки» кадрового состава Внутренней Монголии, в состав которого теперь входили только ханьские представители, политика в АРВМ больше не была направлена на сохранение монгольской культуры и языка. Были закрыты институты национальностей, а в школах насильственно ввели обучение на китайском языке [36].

Ситуация изменилась после XI съезда партии в 1977 г., где старые установки политики КПК в период «культурной революции» по национальному вопросу подверглись критике. После принятия новой Конституции КНР 1982 г. [5], где был закреплён принцип равноправия всех национальностей, монгольское население вернуло себе право на сохранение и развитие своей культуры, прошлые языковые и религиозные ограничения были сняты. Тем не менее, события «культурной революции» оставили большой след на монгольском населении, поспособствовав росту национального самосознания и числа сторонников «Движения за единство монгольской нации», выступающих за сецессию Внутренней Монголии от Китая.

2.3 Практика современной национальной политики Китая в отношении этнических меньшинств, проживающих на территории СУАР и АО Внутренней Монголии

После 2009 года национальная политика Китая в отношении национальных меньшинств претерпела значительные изменения, став более жёсткой и централизованной. Эти изменения были частично спровоцированы рядом событий, включая беспорядки в Урумчи в 2009 году, которые усугубили опасения китайских властей по поводу национальной стабильности и территориальной целостности.

Реакцией на данные события стала Белая книга Китая 2009 г. «Развитие и прогресс в Синьцзяне» [30]. Ее основная часть повторяла тезисы, описанные в Белой книге 2003 г., основное отличие заключалось в вопросе «Восточного Туркестана». Если раньше правительство Китая рассматривало его с точки зрения идеологического дискурса, то начиная с 2009 г. упоминание «Восточного Туркестана» стало связано с вопросом обеспечения национального единства и социальной стабильности. Китай в равной степени обвинял «Исламское движение Восточного Туркестана» и «Всемирный уйгурский конгресс» в подрыве национальной целостности, экстремизме, сепаратизме и терроризме [30]. Данные движения описывались не только как угроза развития и стабильности Синьцзяна и Китая, но и всей региональной безопасности в целом, вынося проблему на международный уровень [30].

Данные события не могли не затронуть и другие автономные районы, в частности Внутреннюю Монголию и Тибет. В ответ на эти вызовы китайское правительство начало постепенное усиление контроля и надзора, ужесточило репрессивные меры, чтобы предотвратить возможные угрозы национальной безопасности и укрепить свою власть.

Китай не стал отказываться от системы автономий, вместо этого взяв курс на ужесточение мер по их контролю. Основные изменения в политике стали проявляться в усилении централизованного контроля, культурной

ассимиляции через язык и религию, экономической интеграции и информационном контроле [36].

В первую очередь большое внимание стало уделяться языковой политике. Китайское правительство стало настаивать на переходе с двуязычных программ к преподаванию только на нормативном китайском путунхуа (кит. 普通话), где языки местных народностей предполагается оставлять в качестве дополнительных предметов по желанию, формируя систему билингвального обучения (кит. 双语教育) [19].

Отчасти мероприятия по продвижению путунхуа в образовательных учреждениях проводились и до 2009 г. В СУАР, АРВМ и других автономных районах действовала программа, согласно которой в специальных школах, предназначенных для представителей национальных меньшинств, начиная с первого года средней школы вводились дополнительные часы по изучению китайского языка, в то время как основным языком обучения оставался язык представителей национальных меньшинств [22].

Переход на путунхуа проявлялся и на уровне высшего образования. Так в университетах Синьцзяна с 2002 г. обучение на уйгурском языке было полностью упразднено, с тех пор обучение в высших университетах ведется только на путунхуа [22]. Во многом причины данных перемен носили не столько политический характер, сколько образовательный — в связи с популяризацией путунхуа в высших заведениях наблюдалась нехватка учебных материалов на национальных языках. С 2009 г. обучение путунхуа в автономных районах вводилось уже на первом году обучения начальной школы [19].

В Синьцзяне в декабре 2009 г. был принят региональный закон «Об укреплении этнического единства» [29]. Закон был принят в целях способствования равенству, единству и гармонии в Синьцзяне и закреплял стремление к национальному единству. В рамках осуществления данных целей закон предусматривал продвижение двуязычного образования на всех

уровнях школьного образования, положив начало разработке языковых реформ в СУАР [29]. В результате в 2011 г. было принято решение о введении двуязычного обучения на уровне детских садов и запуске программы для подготовки учителей-билингвов [27]. Обучение в большинстве школ стало вестись только на китайский язык за исключением нескольких часов занятий в неделю по уйгурской литературе.

По результатам принятых реформ в сентябре 2015 года правительство опубликовало документ под названием «Историческое свидетельство этнического равенства, единства и развития в Синьцзяне», в котором утверждается увеличение числа учащихся по двуязычной программе в дошкольном образовании с 59% до 89% за период 2010–2014 гг. [24]. Отдельно отмечается позитивное влияние двуязычного образования на повышение уровня образования во всем районе в целом.

На практике новая языковая политика в образовательных учреждениях привела к вытеснению уйгурского языка, низводя его до статуса второго языка. Для официальных властей это демонстрирует успешность проводимых реформ по ассимиляции уйгуров, однако сами уйгуры видят в этом стратегию по уничтожению своей культуры и этнической идентичности. Все большее число уйгуров в последние годы намеренно избегают использования путунхуа и китайских заимствований для сохранения своего родного языка и защите его от растущего ассимиляционного давления, оказываемого на него китайским языком [22]. Малая часть особо радикально настроенных представителей игнорируют официальную систему образования, запрещая своим детям посещать занятия, ведущиеся на путунхуа.

Ситуация с использованием национальных языков во Внутренней Монголии несколько отличается от положения в СУАР. В целом этнические монголы в АРВМ соблюдают политику национального правительства провинции. В данном автономном районе не наблюдается такого крупного сепаратистского движения, как в СУАР, а уровень смешанных браков между

этническими монголами и ханьцами выше, чем между их уйгурами и ханьцами. В свою очередь, центральное правительство долгое время оставалось более снисходительным в отношении этнических монголов, позволяя им использовать монгольский язык и придерживаться традиционных обычаев и верований без существенных ограничений [36].

Письменность монгольского языка была преобразована в 1955 г. [36], перейдя на использование кириллицы при письменности. В соответствии с этим позже был преобразован и монгольский алфавит. Данные изменения не вызвали какой либо реакции со стороны монгольского населения, которые легко перешли на новую модель. Обучение проводилось так же, как и в ранние годы в СУАР — основным языком преподавания оставался монгольский, с введением дополнительных часов на изучение китайского языка начиная с первого класса начальной школы.

Существенные изменения начались в 2020 г. после объявления о введении новой учебной программы в АРВМ [26]. Эти изменения были частью более широкой национальной стратегии по унификации образовательных стандартов и продвижению китайского языка как основного средства обучения, проводимых с 2009 г. в других автономных районах.

Основное изменение заключалось в переходе с монгольского на китайский в преподавании ключевых предметов, включая литературу, историю и политику, а также все точные и естественнонаучные предметы [25]. Ранее эти предметы преподавались на монгольском языке в школах, где большинство учащихся составляли этнические монголы. Изменения должны были внедряться поэтапно, начиная с начальных классов и постепенно распространяя на другие уровни образования после 2023 г. Это было призвано облегчить переход и дать время учащимся и учителям адаптироваться к новым требованиям.

Объявление об изменениях вызвало массовые протесты среди монгольского населения Внутренней Монголии [25]. Школьники, родители и учителя выражали своё недовольство и опасения относительно утраты

монгольского языка и культуры. Этнические монголы устроили серию протестов против новой политики в области образования, стали массово переводить своих детей на домашнее обучение, китайские власти реагировали на протесты усилением мер безопасности и блокировкой информации о протестах в интернете и СМИ [25].

Несмотря на яростную реакцию, протесты в конечном итоге утихли, что дало Пекину повод ввести еще больше изменений касаясь языковой политики. С 2021 г., был увеличен набор учителей, владеющих китайским языком, также было объявлено о требовании использования китайского языка в детских садах, а дополнительный пересмотр образовательной программы в АРВМ осенью 2021 г. исключил использование книг по истории и культуре Монголии в школьном образовании, заменив их на учебники по истории и культуре Китая [25].

Переход на новую образовательную систему занял три года и завершился осенью 2023 г., начав следующий этап преобразований. Начиная с осени 2023 г., изучение монгольского языка в школах было еще раз сокращено, занятия в начальных и средних классах теперь должно проводиться исключительно на китайском языке, занятия по монгольскому языку стали факультативными, их количество также сократилось до трех занятий в неделю, сам предмет планируется убрать из перечня обязательных экзаменов к 2028 г. и заменить на экзамен по китайскому языку [25].

Языковая политика распространилась и на культурную сферу. В январе 2021 г. местные СМИ заменили все монгольские программы на китайские. Традиционные художественные и культурные представления теперь должны были включать в себя элементы ханьской культуры.

Национальные меньшинства заявляют, что двуязычная программа образования противоречит «Закону о национальной автономии» 1984 г., в соответствии с которым автономные районы имеют право на сохранение своего языка, в том числе на его преподавание в школах [31]. Официальные власти не считают проведение языковой политики противоречивой — по

официальным заявлениям, языковые реформы не противоречат закону и проводятся в рамках Конституции Китая, по которой государство должно способствовать употреблению путунхуа на территории всей страны [32]. Другие правительственные документы, такие как пятилетние планы, также часто содержат указания на необходимость улучшения образовательной политики, в том числе через продвижение китайского как основного языка обучения, закрепляя официальный курс [32].

Действия Китая по продвижению ассимиляции в автономных районах также включают ограничение публичных проявлений религиозной идентичности национальных меньшинств. При этом в АРВМ, где основной религией среди монгольских народностей считается буддизм, нет настолько строгих ограничений, в отличие от СУАР, где основу составляют мусульмане.

В настоящий момент право на свободу совести в Китае закреплено Конституцией КНР 1982 г. в статье 36 [5]. Согласно данному положению, «никакие государственные органы, общественные организации или отдельные лица не имеют права принуждать граждан исповедовать или не исповедовать ту или иную религию, граждане не могут подвергаться дискриминации в связи с их религиозной принадлежностью» [5].

Буддизм в Китае в основном представлен двумя основными направлениями: Махаяна буддизм (大乘), который широко распространён на востоке и юге страны, и тибетский буддизм, практикуемый в Тибете и других автономных районах, включая Внутреннюю Монголию.

В начале XX в. на территории Внутренней Монголии насчитывалось около 1300 буддистских храмов. Их количество было сокращено после прихода к власти Коммунистической партии Китая [27]. Началось введение атеистической идеологии и ограничения религиозной практики. В 1950-х и начале 1960-х годов были предприняты первые шаги к уменьшению влияния религии, но наибольший удар по буддийским храмам был нанесен во время

Культурной революции. Этот период характеризуется массовым закрытием и разрушением религиозных объектов, включая буддийские храмы [10].

С конца 1970-х годов, начиная с реформ Дэн Сяопина, начался процесс восстановления и реабилитации религиозных практик и объектов, однако к тому моменту было уничтожено порядка 90% буддийских монастырей во Внутренней Монголии [27]. По подсчетам, датируемым 2003 г., во Внутренней Монголии функционировало всего 116 буддистских монастырей [27]. Точное количество буддистских храмов, функционирующих на сегодняшний день во Внутренней Монголии, трудно установить ввиду ограниченного доступа к актуальной и детализированной информации.

После тибетского восстания в 1959 г. Китай ужесточил контроль в отношении тибетского буддизма. С этих пор выборы Далай-ламы и других ключевых религиозных лидеров стали подлежать одобрению со стороны государства в целях уменьшить их потенциальное политическое влияние и предотвратить использование религиозного авторитета для поддержки сепаратистских идеалов [16].

Правительство стало регулировать проведение буддистских мероприятий и праздников во Внутренней Монголии, требуя предварительного одобрения для их организации. Власти ограничивают строительство новых и функционирование существующих монастырей, регулируя количество монахов и монахинь, которые могут в них находиться [23].

Китайское правительство стало активно контролировать изображение тибетского буддизма в медиа, ограничивая доступ к материалам, которые могут быть восприняты как сепаратистские или антиправительственные. Распространение материалов о Далай-ламе, который живёт в изгнании, строго запрещено.

После событий 2009 года, включая беспорядки в Урумчи и продолжающиеся напряжения в Тибете, положение буддизма в Китае продолжило оставаться под строгим контролем государства, но также

претерпело некоторые изменения в контексте общей религиозной политики страны.

С 2015 года китайское правительство активно продвигает политику «синицизации» (кит. 中國化) всех религий [32]. Эта политика была официально заявлена Си Цзиньпином и получила широкое распространение во всех аспектах религиозной жизни в Китае. Основной целью синицизации является обеспечение того, чтобы религиозные учения и практики были совместимы с основными принципами китайской социалистической идеологии. Ее основные аспекты: поддержание лидерства Коммунистической партии Китая; сохранение социалистических ценностей; укрепление национального единства; поддержание социальной гармонии и стабильности.

В контексте буддизма это включает в себя изменение религиозных текстов, практик и даже архитектурного стиля монастырей, чтобы они лучше соответствовали китайским традициям и социалистическим ценностям [32]. Религиозные тексты и обучающие материалы пересматриваются таким образом, чтобы они отражали социалистические ценности и не содержали идеи, которые могли бы быть интерпретированы как противоречащие китайской государственной политике.

«Синицизация» также включает контроль за религиозным образованием: религиозное образование регулируется для обеспечения того, чтобы все религиозные школы и семинарии следовали утвержденным государством программам, которые поддерживают социалистическую идеологию; и управление религиозными лидерами, которые теперь должны проходить обучение и аттестацию от государства, что гарантирует их лояльность и готовность следовать линии партии [32].

В 2018 году Китай принял новые религиозные нормативы, которые ужесточили требования к религиозным организациям и усилили роль государства в религиозном образовании и финансировании [23]. Эти

изменения стали продолжением политики «синицизации» религий, проводимой под руководством Си Цзиньпина.

Все религиозные организации в Китае теперь должны получать официальное разрешение на деятельность и регистрироваться в специальных государственных учреждениях. Они обязаны подчиняться руководству Коммунистической партии Китая и активно продвигать социалистические ценности. Религиозные мероприятия могут проводиться только в зарегистрированных местах поклонения и должны соблюдать все правила, установленные местными властями. Любые мероприятия вне зарегистрированных мест требуют специального разрешения. Теперь контролю подлежит и распространение религиозных материалов через интернет. Любой религиозный контент в интернете должен быть предварительно одобрен соответствующими государственными органами [32].

В контексте тибетского буддизма, правительство наложило ограничения на международные религиозные связи. Буддийские монастыри и организации в Китае ограничены в своих контактах с иностранными религиозными группами и лидерами, включая Далай-ламу, который живет в изгнании в Индии и чье влияние Китай стремится минимизировать [27].

Схожие меры принимаются и в СУАР. Количество мусульман по разным оценкам насчитывается от 20 до 29 млн. человек [26], половина из которых проживают на территории СУАР. Большинство из них исповедуют ислам суннитского толка.

Общее количество мечетей в Китае, по разным оценкам, достигает 30—39 тыс. во всех провинциях, 24 тыс. из которых расположено в СУАР [20], многие из которых внесены в государственные списки исторического наследия. В годы «культурной революции», характеризующихся волной религиозных репрессий, часть мечетей была разрушена, однако после реформ Дэн Сяопина в 1978 г. большая часть из них была восстановлена [23].

Так же, как и во Внутренней Монголии, в последние годы в СУАР наблюдается усиление контроля за религиозными практиками после принятия политики «синицизации» религий в 2015 г., включая закрытие мечетей или их преобразование в не религиозные учреждения.

Согласно неофициальным данным, в период с 2016 по 2018 год были уничтожены или получили значительные повреждения 31 мечеть и две крупные святыни [26]. Данные сообщения не имеют официального подтверждения и опровергаются властями Китая.

В рамках новых религиозных норм 2018 г., в СУАР так же были введены ограничения на распространение и изучение ислама, введен контроль над регистрацией новых религиозных образований, были ограничены возможности проведения религиозных обрядов в СУАР вне специализированных религиозных учреждения [23].

С 2017 года международное внимание привлекли так называемые центры реэдукации (кит. 新疆根本不存在所谓再教育营), предназначенные для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом в СУАР, особенно среди уйгурского населения и других мусульманских этнических групп. Правительство описывает эти центры как образовательные учреждения, где участники получают профессиональное обучение, изучают китайский язык, законы и социалистические ценности [33].

Международное сообщество, включая правозащитные организации, ООН и некоторые правительства, выразило глубокую обеспокоенность и критику в отношении китайской политики в СУАР из-за сообщений о нарушениях прав человека, включая пытки, жестокое обращение, незаконное задержание, принудительный труд и разрушение культурной идентичности [12].

Китай отрицает наличие нарушений прав человека и отказывается признавать критику, утверждая, что его политика в Синьцзяне направлена исключительно на борьбу с экстремизмом и терроризмом. Соответствующая

позиция была закреплена в документе 2019 г. «Профессиональное образование и переподготовка в Синьцзяне» [33]. В нем утверждается, что все меры, принятые в этих центрах, соответствуют китайским законам и проводятся с соблюдением правовых процедур. Центры являются частью законных мер по борьбе с угрозами национальной безопасности и способствуют социальной стабильности в регионе, предотвращая потенциальные конфликты и насилие, которые могли бы возникнуть в результате религиозного и этнического экстремизма. Отмечается, что за все время функционирования специальных лагерей, в Синьцзяне не произошло ни одного террористического акта, показывая успешность мер по пресечению распространения религиозного экстремизма, достигнутых в том числе благодаря введенным мерам.

Однако малая информированность о деталях и масштабах программы со стороны официальных властей продолжает вызывать подозрения и требования расследования со стороны международного сообщества, выводя критику национальной политики Китая в отношении этнических меньшинств на глобальный уровень.

Последние изменения были проведены в конце 2023 г., когда власти СУАР предложили новые поправки к документам, регламентирующим религиозную жизнь [35]. Новые ограничения вступили в силу 1 февраля 2024 г. Изменения включают новые правила для обеспечения того, чтобы места религиозного поклонения, такие как мечети, выглядели надлежащим образом «по-китайски», и для воспитания «патриотических» религиозных лидеров [34].

Таким образом, помимо Конституции, существует ряд других нормативных документов, затрагивающих свободу совести и вероисповедания. Однако большая часть из них устанавливает такие правовые границы, которые позволяют государственным органам строго контролировать и вмешиваться в сферу религиозных отношений в обход основным положениям Конституции КНР.

Китайское правительство продолжает проводить строгий контроль над религиозной деятельностью, особенно в регионах с этническими меньшинствами, такими как Синьцзян-Уйгурский автономный район и Автономный район Внутренняя Монголия. Продолжается политика адаптации религиозных учений к китайской социалистической идеологии в соответствии с мерами по «синицизации», ограничения на религиозные символы и практики, такие как ношение хиджабов, проведение публичных молитв и пост в Рамадан. Религиозное образование строго контролируется, учебные программы должны соответствовать государственным стандартам, а имамы и другие религиозные лидеры подвергаются строгому государственному надзору и должны проходить специальное обучение.

Основной причиной, по которой Китай ограничивает ислам и тибетский буддизм, является стремление обеспечить социальную стабильность и национальную безопасность. Власти считают, что религиозный экстремизм, сепаратизм и терроризм могут угрожать стабильности региона. Особенно это актуально для Синьцзяна, где имели место этнические напряженности и насильственные столкновения. Правительство связывает эти проблемы с исламистскими группами и стремится контролировать религиозное воспитание и практики, чтобы предотвратить радикализацию.

Как во многих странах, вопрос о национальной политике Китая по отношению к этническим меньшинствам вызывает широкий диапазон мнений и оценок.

Политика Китая в отношении этнических меньшинств имеет свои особенности и вызывает дебаты на международной арене. Критике подвергаются жесткие меры контроля и репрессии в отношении некоторых меньшинств, особенно в Синьцзяне, включая массовые аресты, репрессии культурных выражений и религиозные ограничения.

Китайское правительство описывает свою политику в отношении этнических меньшинств как политику, направленную на обеспечение

равенства, солидарности и сближения между различными этническими группами в стране.

Китайское правительство подчеркивает, что оно стремится к созданию условий для благоприятного развития всех этнических групп, обеспечивая равные возможности в области образования, экономики, культуры и политики. Оно также утверждает, что целью его политики является сохранение и развитие культурного и языкового наследия меньшинств и предотвращение сепаратизма и религиозного экстремизма. Данные меры достигаются в том числе через введение новых языковых и религиозных правил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция национальной политики в отношении этнических меньшинств была разработана Коммунистической партией Китая (КПК) задолго до образования Китайской Народной Республики (КНР). Первоначальная политика проводилась под влиянием модели Советского Союза, но была адаптирована к китайским реалиям. Во время борьбы между КПК и Гоминьданом в 1920-х и 1930-х годах КПК использовала этническое разнообразие для укрепления своего имиджа, пропагандируя федеративное государство с правом на самоопределение и возможное отделение республик.

С образованием КНР в 1949 году начала формироваться более структурированная и действенная государственная политика в отношении этнических меньшинств. За прошедшие десятилетия эта политика претерпела значительные изменения. Первоначально КПК отошла от советской модели и отвергла идею федерации из-за сложности управления отдаленными регионами, тем самым объявив Китай унитарным государством с территориями национальной автономии.

С 1949 по 1956 год КПК заложила основополагающие принципы национальной автономии, создав Внутреннюю Монголию в качестве автономного района, за которым последовали другие, такие как Синьцзян, Гуанси и Нинся.

Культурная революция ознаменовала собой суровый период, когда политика была направлена на подавление этнической идентичности и навязывание особой национальной самобытности. Многие культурные реликвии и обычаи были уничтожены, а использование местных языков и религиозных обрядов было сильно ограничено. В эпоху после смерти Мао Цзэдуна произошел возврат к прежним принципам этнического равенства и восстановления прав меньшинств, которые были подтверждены в Конституции 1978 года.

В последние десятилетия наблюдается сдвиг в сторону ужесточения контроля и ассимиляции этнических меньшинств, при этом значительный упор делается на продвижение единой китайской идентичности. Это включает меры в области образования, языковой политики и религиозной практики, направленные на более тесную интеграцию этнических меньшинств в культурную среду ханьцев.

После 2009 года как в СУАР, так и в АРВМ произошел сдвиг в сторону более жесткого и централизованного контроля за этнической политикой, вызванный опасениями этнических волнений и сепаратизма. Это включало в себя усиление акцента на путунхуа в образовании, замену местных языков в школах и подавление религиозных и культурных проявлений, которые могли бы способствовать инакомыслию.

Политика Китая в отношении национальных меньшинств продолжает развиваться в рамках нескольких ключевых тенденций, которые в значительной мере отражают общие стратегические и идеологические приоритеты китайского правительства.

Сравнительный анализ политики Китая в отношении Синьцзян-Уйгурского автономного района и Автономного Района Внутренняя Монголия позволяет выявить как ключевые сходства, так и значительные различия в подходах к управлению этническими меньшинствами. Оба региона имеют статус автономии, что теоретически предоставляет им большую свободу в сохранении и развитии собственной культуры и языка, однако на практике ситуация выглядит иначе.

В обоих регионах Китай проводит политику строгого централизованного контроля и ассимиляции. Хотя интенсивность и методы могут отличаться, общая цель — интеграция меньшинств в культурное и политическое пространство большинства (хань). В СУАР и в АРВМ китайские власти продвигают обучение на китайском языке, ограничивая обучение на уйгурском и монгольском языках соответственно. Это вызывает опасения по поводу постепенной потери лингвистической идентичности.

Китай активно использует пропаганду для формирования восприятия политики в отношении этих регионов, представляя меры как необходимые для обеспечения стабильности и развития, присутствует значительное религиозное подавление.

При этом в СУАР применяются более жёсткие методы контроля, включая массовое задержание в лагерях реэдукации, широкомасштабное видеонаблюдение и милитаризацию региона. В АРВМ, несмотря на усиление контроля, такие экстремальные меры, как правило, отсутствуют. Ситуация в СУАР тем временем вызывает значительно больше международного осуждения и внимания по сравнению с Внутренней Монголией. Это связано с масштабом и жестокостью репрессий против уйгурского населения.

Эти различия и сходства показывают, как китайские власти адаптируют свою политику к уникальным условиям каждого автономного региона, стремясь укрепить национальное единство и стабильность.

Общей тенденцией является стремление к синицизации культур национальных меньшинств, что означает их адаптацию к доминирующей культуре хань и социалистическим ценностям. В рассматриваемых нами районах сохраняется напряженность с одновременным увеличением роли правительства по укреплению единства и подавлению сепаратистских движений посредством образовательных реформ и религиозного контроля, направленные на более полную ассимиляцию этнических меньшинств в доминирующую ханьскую культурную систему.

Ожидается, что Китай будет продолжать стремление к ассимиляции культурных особенностей национальных меньшинств в доминирующую ханьскую культуру. Основное внимание, как и прежде, будет уделяться Синьцзяну в виду местных ярко-выраженных сепаратистских настроений, в то время как во Внутренней Монголии будут иметь место более постепенные культурные преобразования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Китайская Народная Республика (1912-1949) : монография / Н.Е. Боревская, А.Л. Верченко, В.Н. Усов [и др.] ; под редакцией Н.Л.Мамаева ; Наука : Восточная литература. — Москва, 2013. — 863 с. — ISBN: 978-5-02-036532-2.

2. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Китайская Народная Республика (1949-1976) : монография / Н.Е. Боревская, А.Л. Верченко, В.Н. Усов [и др.] ; под редакцией Ю.М. Галенович ; Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН. — Москва, 2017. — 840 с. — ISBN: 978-5-02-039991-4.

3. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Китайская Народная Республика (1976-2009) : монография / Н.Е. Боревская, А.Л. Верченко, В.Н. Усов [и др.] ; под редакцией С.Л. Тихвинский ; Наука. — Москва, 2016. — 996 с. — ISBN: 978-5-02-039212-0.

4. К истории сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе / Д.Р. Ерофеев, С.Н. Погодин, А.П. Фролова // Россия в глобальном мире. — 2017. — №11 (34). — С. 164-174. — URL: <https://russiaglobal.spbstu.ru/article/2017.11.14/> (дата обращения: 19.04.2024).

5. Конституция Китайской Народной Республики (в редакции 2018 г.) // Chinalaw Center : [сайт]. — URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 01.03.2024).

6. Конституция Китайской Народной Республики (1975 г.) // Маоизм : [сайт]. — URL: <http://maoism.ru/3213> (дата обращения: 07.03.2024).

7. Курас, Л.В. Внутренняя Монголия в составе империи Цин / Л.В. Курас // Известия Иркутского государственного университета. — 2016. — Т. 15 — С. 126-136 URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/3795> (дата обращения: 23.04.2024).

8. Ли, С. Проблема самоопределения национальных меньшинств в теории и политике КПК (с 1922 г. По настоящее время) / Ли Сянянь // Вестник ВолГУ. — 2018. — №4. — С. 124-130. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-samoopredeleniya-natsionalnyh-menshinstv-v-teorii-i-politike-kpk-s-1922-g-po-nastoyashee-vremya> (дата обращения: 01.04.2024).

9. Мажинский, С.В. Китайская политика во Внутренней Монголии в XIII-XIX вв.: историко-политический экскурс / С.В. Мажинский // Вестник ТГУ. — 2012. — №358. — С. 32-22. — URL: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/358/image/358-032.pdf> (дата обращения: 23.04.2024).

10. Мажинский, С.В. Центральное правительство Китая и автономный район Внутренняя Монголия в 1966-1969 гг. : от диалога к политической борьбе / С.В. Мажинский // Вестник ТГУ. — 2015. — №401. — С. 139-144 URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000522685> (дата обращения: 23.04.2024).

11. Национальная политика китайского правительства в Синьцзян-уйгурском автономном районе / Д.Р. Ерофеев, С.Н. Погодин, А.П. Фролова // Россия в глобальном мире. — 2017. — № 11 (34). — С. 175-186. — URL: <https://russiaglobal.spbstu.ru/article/2017.11.15/> (дата обращения: 26.04.2024).

12. О предпосылках активизации сепаратизма и экстремизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР / В.Ю. Вашкявичус, Д.А. Судьенков // Казанский вестник молодых ученых. — 2020. — № 4. — С. 76–82. — URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_181142826/KVMU.4_17_.2020.A.pdf (дата обращения: 20.04.2019).

13. Основные принципы осуществления местной национальной автономии [принято на 125-м заседании Государственного административного совета 22 февраля 1952 года : одобрено на 18-м заседании Центрального народ-ного правительственного совета 8 августа 1952 года] // The Central People's Goverment of People's Republic of China. — 2023. — URL:

<https://law.pkulaw.com/falv/903e6aaaabe432b49bdfb.html> (дата обращения: 07.-3.2024).

14. Резолюция ЦК КПК «Об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии» от 11 ноября 2021 г. // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Azerbaijan. — 2021. — URL: http://az.china-embassy.gov.cn/rus/sgxw/202111/t20211118_10450083.htm (дата обращения: 23.03.2024).

15. Современная политика правительства КНР в урегулировании этноконфессиональных конфликтов в Синцзянь-Уйгурском автономном районе / Л. Фу, Л.В. Лбова // Россия в глобальном мире. — 2022. — № 23(46). — С. 53-68. — URL: <https://russiaglobal.spbstu.ru/article/2022.20.4/> (дата обращения: 25.04.2024).

16. Ставров, И.В. Законодательная реализация этнополитики и районной национальной автономии в КНР / И.В. Ставров // Китай в национальном измерении. Труды ИИАЭ ДВО РАН. — 2022. — Т. 38. — С. 108-124.

17. Ставров, И.В. Эволюция позиции КПК по национальному вопросу (1921—2021 гг.) / И.В. Ставров // Россия и АТР. — 2021. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-pozitsii-kpk-po-natsionalnomu-voprosu-1921-2021-gg> (дата обращения: 01.03.2024).

18. Сыроежкин, К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика : [монография] // Сыроежкин, К.Л. — Москва : Панорама, 1997. — 238 с. — URL: https://web.archive.org/web/20080405231658/http://www.continent.kz/library/KN-3/3syr_index.html (дата обращения: 19.04.2024).

19. Хао, Ш. Путь решения этнических вопросов с китайской спецификой : [монография] / Хао Шиюань. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. — 357 с. — ISBN: 978-5-4469-1931-4.

20. Яо, В. Синцзян-Уйгурский автономный район и политика КНР в контексте современных вызовов международной безопасности :

специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Яо Ван ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. — Москва, 2015. — 218 с.

21. Arienne, M. D. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy and Political Discourse : [monograph] / M.D. Arienne. — Washington : East-West Center, 2005. — 124 p. — URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/xinjiang-conflict-uyghur-identity-language-policy-and-political-discourse> (дата обращения: 20.04.2024).

22. Baranovitch, N. The “Bilingual Education” Policy in Xinjiang Revisited: New Evidence of Open Resistance and Active Support among the Uyghur Elite / N. Baranovitch // Sage Journals : Modern China. — 2020. — Vol. 48, Iss. 1. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0097700420969135> (дата обращения: 21.04.2024).

23. China’s Policies and Practices on Protecting Freedom of Religious Belief / Information Office of the State Council of the People’s Republic of China. — Beijing, 2018. — URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/04/04/content_281476100999028.htm (дата обращения: 25.04.2024).

24. Historical Witness to Ethnic Equality, Unity and Development in Xinjiang [issued by China’s Cabinet on Sept 24, 2015]. — Beijing : Xinhua, 2015. — URL: https://english.www.gov.cn/archive/201509/24/content_WS64ec0effc6d0868f4e8dee13.html (дата обращения: 18.04.2024).

25. Ekstrom, M. Language Policy in Inner Mongolia and its Implications for Chinese and International Human Rights / M. Ekstrom // China Currents. — 2023. — Vol. 22, Iss. 1. — URL: <https://www.chinacenter.net/2023/china-currents/22-1/language-policy-in-inner-mongolia-and-its-implications-for-chinese-and-international-human-rights/> (дата обращения: 30.04.2024).

26. Madsen, R. The Sinicization of Chinese Religions: From Above and Below Cover The Sinicization of Chinese Religions: From Above and Below Brill : [monograph] / R. Madsen. — Laiden : Brill, 2021. — 178 pp. — URL: <https://brill.com/display/book/edcoll/9789004465183/BP000001.xml> (дата обращения: 25.04.2024).

27. Main Data of the Seventh National Population Census : сведения о переписи населения КНР за 2021 г. // National Bureau of Statistics of China. — URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817185.html (дата обращения: 13.02.2024).

28. Mair, J. Rebirth Control: Contemporary Inner Mongolian Buddhism and the Religious Authority of the Chinese State / J. Mair. // Buddhism, Modernity, and the State in Asia. — 2013. — P. 209-228. — URL: https://www.researchgate.net/publication/304856927_Rebirth_Control_Contemporary_Inner_Mongolian_Buddhism_and_the_Religious_Authority_of_the_Chinese_State (дата обращения: 23.04.2024).

29. New Xinjiang law to enhance ethnic solidarity // Chinese Academy of Social Sciences : website. — Beijing, 2015. — URL: http://iolaw.cssn.cn/ywb/201601/t20160121_4638371.shtml (дата обращения: 21.04.2026).

30. PRC State Council White Paper, China's Ethnic Policy And Common Prosperity And Development Of All Ethnic Groups (2009) // USC US-China Institute. — 2009. — URL: <https://china.usc.edu/prc-state-council-white-paper-chinas-ethnic-policy-and-common-prosperity-and-development-all-ethnic#:~:text=China%20firmly%20opposes%20ethnic%20discrimination%20and%20oppression%20in%20any%20form> (дата обращения: 01.04.2024).

31. Regional Ethnic Autonomy Law of the People's Republic of China [adopted at the Second Session of the Sixth National People's Congress on May 31, 1984 ; amended in accordance with the “Decision on Revising the People's Republic of China Regional Ethnic Autonomy Law” on February 28, 2001] //

Human Right Library. — 2006. — URL: http://hrlibrary.umn.edu/research/china-autonomy_law.html (дата обращения: 31.03.2024).

32. Speech to United Front Work Conference on Religious Work by Xi Jinping / China Internet Information Center. — Beijing : Xinhua, 2016. — URL: http://www.china.org.cn/china/2016-04/24/content_38312410.htm (дата обращения: 25.04.2024).

33. Sun Yat-sen, Fundamentals of National Reconstruction (1923) // Sources of World History. — Vol. 2. — pp. 281-285. — URL: <https://www1.udel.edu/History-old/figal/Hist104/assets/pdf/readings/18sunyatsen> (дата обращения: 16.03.2024).

34. Vocational Education and Training in Xinjiang / Information Office of the State Council of the Peoples Republic of China, Beijing. — 2019. — URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201908/17/content_WS5d57573cc6d0c6695ff7ed6c.html (дата обращения: 26.04.2024).

35. Xinjiang Uyghur Autonomous Region Religious Affairs Regulations [adopted at the Eleventh Meeting of the Standing Committee of the 12th People's Congress of Xinjiang Uyghur Autonomous Region on November 28, 2014, revised at the Seventh Meeting of the Standing Committee of the 14th People's Congress of Xinjiang Uyghur Autonomous Region on December 22, 2023] // China Law Translate. — 2024. — URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/xj-religious-affairs/> (дата обращения: 26.04.2024).

36. Wang, L. From Masterly Brokers to Compliant Protegees: The Frontier Governance System and the Rise of Ethnic Confrontation in China–Inner Mongolia / Wang Liping // American Journal of Sociology. — 2015. — Vol. 120. — URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/682021> (дата обращения: 21.04.2024).

37. White Paper 1999: Ethnic Minorities Policy in China // Information Office of the State Council of the Peoples Republic of China, Beijing. — 1999. — URL: <http://un.china->

mission.gov.cn/eng/gyzg/xizang/199909/t19990901_8410838.htm (дата обращения: 20.03.2024).

38. White Paper 2003: History and Development of Xinjiang / Information Office of the State Council of the People's Republic of China. — Beijing, 2003. URL: <https://web.archive.org/web/20200411222856/http://www.china.org.cn/e-white/20030526/index.htm> (дата обращения: 15.04.2024).

39. White Paper 2005: Regional Autonomy for Ethnic Minorities in China / Information Office of the State Council of the People's Republic of China. — Beijing, 2005. — URL: http://un.china-mission.gov.cn/eng/gyzg/bp/200502/t20050228_8410941.htm (дата обращения: 16.04.2024).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 Т.Ю. Сидорова

подпись инициалы, фамилия

« 13 » 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Сравнительная характеристика политики китайского правительства
в отношении национальных меньшинств Синьцзян-уйгурского АО и
АО Внутренней Монголии

Руководитель

 13.05.24.
подпись, дата

доцент, к.и.н

должность, ученая степень

Е.В. Карпенко

инициалы, фамилия

Выпускник

 13.05.24.
подпись, дата

Д.Е. Головинова

инициалы, фамилия

Красноярск 2024